

МОСКОВСКИЯ ВЪДОМОСТИ

1831-го ГОДА.

Въ годовомъ изданіи годъ
№. Каждый №. заклю-
чаетъ въ себѣ 6 страницъ.

Годовая цѣна за Кавка-
зскія 7 р., полугодовая 4 р.
сер.; по Россіи 35 и 25 р. ас.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Отрывокъ изъ путешествія по За-
кавказскимъ Провинціямъ.

(Ериванская Провинція.)

(Октомбріе.)

Едва мы пробхали сады Ар-
куринскіе, какъ солнце сокры-
лось за горами и свѣтлый мѣсяцъ
покашлся по голубому сво-
ду, усѣянному звѣздами. Мы
бхали по песчаной и каме-
нистой равнинѣ, кое-гдѣ заросш-
шей колючими кустарниками.
Въ разныхъ мѣстахъ мелькали ог-
ни, горѣвшіе въ карачадрахъ (*)
кочевыхъ Курдовъ.— Мершвая
пищина, царшвовавшая въ ок-
решностяхъ, изрѣдка наруша-
лась взгоми чакалокъ или врѣ-
комъ ночныхъ птицъ.— Медлен-

(*) Карачадра— черная падашка:

но мы совершали свое путеше-
ствіе, и не прежде полуночи до-
спигли карачадры начальника Зи-
лянскихъ Курдовъ Келамб-Аги,
у котораго мнѣ былъ приготова-
ленъ ночлеги. Старшій сынъ Ке-
ламб-Аги, Расулб-Бекъ, встрѣ-
шилъ меня въ нѣсколькихъ ша-
гахъ отъ палашки и проговорив-
ши обыкновенные Ташарскіе ком-
плименты: Хошб гялип-сенб, Са-
фа гялип-сенб, Менцмб джа-
нцмб, цшахларб, малб, довлатб,
гамасцмб сана бешкешемб, хошб
гялип-сенб, сафа гялип-сенб! (ш.
е: Добро пожаловашъ, милоспи
просимб, дарю вамъ мою душу,
дѣшеи, все мое имѣніе и все бо-
гатштво,—добро пожаловашъ, ми-
лоспи просимб!), пригласилъ ме-
ня войши въ шашерб.— Опецъ его
сидѣлъ на коврѣ, прошивъ огня,

вѣпра ж холостыхъ зарядовъ.— Пробхавши верствъ около чешыр-надцаши, мы переправились чрезъ маленькую рѣчку, перебравшись чрезъ небольшую грязною деревню, лежащую у подошвы Варшабурскаго холма, обогнули нѣсколько сей холмъ и очутились на мѣсто праздника.

По зеленой покашости Варшабурскаго холма разброшены были арбы, паслись быки и буйлы и пестрѣлись шолпы богомольцевъ, оживленные яркими цвѣтами шелковыхъ шканій, употребляемыхъ въ Азіи даже поселянками.— Случалось ли вамъ замѣчать какъ вокругъ муравейниковъ шолпящая многочисленные его обитатели и будто проложивъ себѣ пропину по близъ-лежащей стѣнѣ, поднимающя и опускающя по оной, вспрѣчаясь, останавливаясь, опыскивая слѣдъ ж шаща почти каждый свою ношу. Такихъ шочно образомъ ошъ подошвы Варшабурскаго холма до вершины онаго ж обрашно, пробирались по пропшаной пропникѣ пришедшіе на богомодіе

Армяне, шаща съ собою барановъ, курей и проч. Мы шаже по обшцимъ слѣдамъ добредли до вершу. Чрезъ узкій проломъ, кошорый по оспашкамъ сохраняешъ еще видѣ древняго входа въ крѣпость, мы вошли вовнупръ оной. Предмешы предспавившіеса взорамъ нашимъ поразили насъ совокупностью двухъ крайныхъ прошивуположностей: жизнь ж веселіе ликовали среди сихъ запуспѣлыхъ мѣстѣ, носящихъ на себѣ всѣ образы разрушенія. Закопшѣлыя ошъ древности ж покрышыя плющемъ развалины укрѣплений, коимъ увѣченъ Варшабурскій холмъ, красовались свѣжею ж густою зеленью: рука времени раздвинувъ прецины полуразрушенныхъ стѣнѣ, пропустила сквозь сіи отверстія сполѣпнія деревья ж цвѣшущіе кустарники. Мѣсна гдѣ нѣшъ никакого жилья ж къ коимъ шолько разъ въ году касешся нога челошѣтская, наполнены были народомъ.— На обломкахъ развалинѣ сидѣли веселые группы пирующихъ.

Поднявшись въ верхъ не безъ труда, мы принуждены были нѣсколько отдохнуть. Потомъ пустились разсматривать что было примѣчательнаго въ сѣмѣхъ. Я слѣдовалъ прямо за народомъ въ церковь. Спросивъ носящее сіе названіе есть остатокъ небольшой развалины, совершенно обросшей плетенью снаружи и до нельзя закопѣлой внутри, похожей болѣе на пещеру нежели на зданіе. Сей мнимый храмъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Первое изъ нихъ почти четвероугольно и можетъ имѣть болѣе трехъ сажени въ длину и нѣсколько по меньше въ ширину. Черныя стѣны совершенно голы. Съ правой стороны видна въ стѣну плита съ барельефнымъ изображеніемъ креста. Плита сія облепана была всѣ свѣчами, возженими богомольцами. Съ лѣвой же стороны находится тѣсный и низкій входъ въ другое отдѣленіе. Это родъ небольшого темнаго придѣла, сажени на двѣ шириною и коего длина съ алтаремъ простирается не бо-

лѣе какъ сажени на три. Алтарь по обрядамъ Армянской церкви находится на возвышеніи три сажени на въ полтора ошъ земли и поставленъ въ небольшомъ углубленіи, вдающемся въ стѣну въ видѣ алкова. Въ сѣмѣ алковѣ стоялъ старецъ, роста средняго; длинная сѣдая борода, голова вдавленная въ плечи, черныя рясы и такового же цвѣта оспрокопечный клобукъ придавали сему лицу какой то таинственный видъ. При входѣ въ сію тѣсную и мрачную пещеру и при видѣ сего жреца я почувствовалъ невольное впечатленіе, въ коемъ не смѣю отдать отчету, но весьма далекое однако же ошъ набожности. Тупъ суевѣрію оспашенъ мало труда къ произведенію жалаемаго дѣйствія надъ умами слабыми и необразованными.—На сѣмѣ-то именно алтарь въ прежнія времена зажигалась само собою чудотворная свѣча. Говорятъ, что въ сѣмѣ мѣстѣ есть также камень, который всегда горитъ во всякое время дня и года. Я его искалъ, но не нашлъ.

По выходѣ изъ храма я видѣлъ слѣдующій обрядъ. Каждое семейство приходившее на поклоненіе имѣло съ собою какую нибудь жертву, состоявшую по большей части изъ барана. Немногіе, вѣроятно бѣднѣйшіе, приносили домашнюю пшцу. Молебники обносили или обносили взявшую съ собою жертву при разѣ вокругъ храма, пошамъ спановились съ нею у самаго входа. Когда собиралось достаточное количество сихъ жертвъ, то выходилъ священникъ, чиналъ на ѣ ними молебству, кропилъ ихъ святою водою и дѣлалъ на каждой надрѣзѣ: баранамъ онъ прорѣзывалъ ухо. Пошамъ жертвы представляемы были предъ семействомъ, или кружкомъ пирующихъ, коему они принадлежали, и употребляемы были въ пищу; съ обязанностью однакоже лучшую часть отдавать въ пользу церкви.

Разсмотрѣвъ сей обрядъ я пустился обозрѣвать развалины крѣпости, ея мѣстоположеніе и видна опрестности. Всѣ сохранив-

шіеся по сіе время остатки разрушенныхъ стѣнъ и башенъ дѣлаются, что мѣсто сіе само собою съ трудомъ доступное, — ибо составляетъ вершину довольно крупаго возвышенія и защищается съ нѣкоторыхъ сторонъ отвѣсными скалами, — урѣзано было въ свое время со пщаніемъ. По остаткамъ одного небольшого, но довольно порядочнаго зданія, сложеннаго изъ шесаннаго камня, на коемъ находился полуисчертая надпись на Армянскомъ языкѣ, построеніе сей крѣпости приписывается Давиду Пзкрадуніану, прозванному безземельнымъ, извѣстному подѣ названіемъ Кургена или Кураге, царствовавшему въ началѣ одинадцатаго столѣтія надъ Сѣвѣрною Арменію. Полагать должно, что означенное зданіе отъ времени углубилось въ землю, ибо двери, чрезъ которыя я вошелъ въ оное, хотя довольно широки, но шамъ низки, что я едва влезъ во внутрь ползкомъ: другаго же входа нѣтъ. Вишренность крѣпости довольно ви-

раются въ пользу сего монастыря, и что онъ находится здѣсь для надзора за оными и для доставленія ихъ по принадлежности.

Отъ Варшабура мы отправились къ развалинамъ Лори, куда пригласилъ насъ на чай Главный Приспавъ. Для достиженія нашей цѣли намъ надлежало перейти на другой берегъ Дебеды. Предпріятіе, исполненіе коего требовало не малой рѣшимости. Дабы изобразить съ какимъ затрудненіемъ оно сопряжено было, необходимо дать нѣкоторое понятіе о рѣвахъ и пропояхъ текущихъ по Лорійской степи. Степь сія есть обширная равнина, образовавшаяся между двумя довольно близкими одинъ отъ другаго хребтами Агзибіукомъ или Агызъ-Буюкомъ (большой рожъ) и Безобдаломъ. Самое большое протяженіе сей степи въ длину можетъ простираться на 50 верстъ, а самую большую ширину оной полагаемъ можно на 30 верстъ. По этому стѣнь сія есть не что иное какъ пространная лощина,

коей грунтъ поспешенно подымаясь отъ слоевъ наносныхъ съ содѣйственныхъ горъ, находится нынѣ въ значительномъ возвышеніи надъ поверхностью воды. Отъ сего образованія Лорійской степи происходитъ, что всѣ воды стѣмляющіяся по ней съ близлежащихъ горъ, глубоко врывающіяся во внутрь ея грунта и берега ихъ, въ особенности берега быстрой Дебеды, съ обѣихъ сторонъ составляютъ отвѣсныя и неприсущныя скалы, опускающіяся въ низъ на тридцать а иногда и болѣе сажень отъ поверхности земли. Рѣка течетъ какъ бы въ глубокомъ жолобѣ. Во многихъ мѣстахъ стоя саженьхъ въ двадцати-пяти отъ пропоя, на днѣ коей она стѣмилась, не догадаешься даже объ ея существованіи: два противоположные берега кажутся одною ни чѣмъ не прервательною плоскостью. Геогномическое изслѣдованіе обѣихъ береговъ Дебеды съ низу до верху представляло бы, кажется, всѣ плоскы, изъ коихъ поспешенно соспаив-

лась Лорійская спень. Русскіе прозвали Дебеду, по причинѣ скалистыхъ ея береговъ, Каменкою. Отъ сего образованія берега Каменки украшаются величественными водопадами, состояющими изъ небольшихъ впадающихъ въ оную ручейковъ, которые будучи не въ силахъ достаточно прорыть землю, текутъ по поверхности ея до самой рѣки и попомъ низвергаются въ нее, разбивая пѣнистыя свои воды по ступенямъ утесистыхъ береговъ ея. Мы остановились на правомъ берегу Дебеды, прошивъ самыхъ развалинъ Лори. Тутъ надлежало намъ спуститься и попомъ подняться по чрезвычайно узкой и скользкой отъ сырости пропикѣ, прудной и опасной даже для пѣшихъ; почему мы отправили экипажъ и лошадей чрезъ обвѣздъ Джелалъ-оглу, гдѣ сдѣланы Русскими по берегамъ Каменки спускъ и подъемъ и чрезъ рѣку мостъ, по коимъ можно, хотя съ величайшимъ трудомъ, провозить экипажи. Тропинка ведущая въ

рѣкѣ была такъ пѣсна, что во многихъ мѣстахъ неврѣдительно могъ подвергнуться жизни опасности. Въ одномъ мѣстѣ водопадъ, прорывшій себѣ родъ ворошъ въ каменистомъ грунтѣ, который препятствовалъ его спремению, образовалъ натуральный мостъ, чрезъ который довелось также намъ проходить. У самой рѣки представился намъ другого рода мостъ. При взглядѣ на оный многіе изъ насъ рѣшились бы воротиться назадъ, еслибы не имѣли въ виду возобновенія всѣхъ непріятностей пройденнаго уже пути и не слишкомъ утѣшительную перспективу прогуляться пѣшкомъ до Джелалъ-оглу. Мостъ заставившій насъ призадуматься былъ ничто иное какъ развалины двухъ древнихъ аркъ, изъ коихъ остались одинъ только основанія и на оныя съ одной стороны наброшены были четыре бревна, а съ другой три, полуизгнившія и споль не прочныя, что могли только сносить одного человѣка, а отъ пялесни другого значительно изгибались. Припомъ кри-

шья и въ довольно значительномъ
 одинъ ошъ другаго разшолнїи,
 шакъ чшо галди куда идешь,
 голова невольно должна была кру-
 житься ошъ волнующейся подъ
 ногами пучины. Воды же Дебеды
 въ семъ мѣстѣ крайне стѣснен-
 ныя между двумя берегами, глубо-
 ки и споль быспры, чшо уподоб-
 ляясь болѣе водопаду нежели рѣкѣ
 съ силою разбивающаюся обѣ ушѣсы
 и подводные камни не оставляя
 ни малѣйшей надежды въ спа-
 сенїи даже и самому искусному
 пловцу.— Несмотря однакоже на
 сіи ужасы мы все, кшо храбрѣе,
 кшо шрусливѣе перебрались бла-
 гополучно чрезъ *Чертовъ мостъ*:
 шакъ мы его прозвали. Пошомъ
 пропнкою подобною первой
 подїались до Лорїйской крѣпо-
 сти, и вошли въ оную чрезъ
 ворота, сохранившїе по сіе время
 древнїй свой видъ.

Лори или *Лоре* въ девшомъ
 и десятомъ сполшїей было ни-
 что иное какъ небольшая дерев-
 ня. Царь Гургенъ около 1035
 года обратился сію деревню въ

городъ, въ коемъ поведебъ спо-
 лицу Сѣверной Арменїи. Армян-
 ская Исторїя повѣстивуешъ, чшо
 спаранїемъ Царя Гургена Лори
 вскорѣ сдѣлался многолуднымъ
 городомъ, и украсился великолѣп-
 нымъ дворцомъ царскимъ, хра-
 мами и другими зданїями, подо-
 мешами, красивыми площадями и
 проч. Тутъ была и хорошая крѣ-
 постъ. Въ 1238 году Монголы
 взяли Лори шшурмомъ, умерш-
 вили его обшашелей безъ раз-
 личїя пола и возраста, разру-
 шили зданїя, и ушли оставивъ
 одни развалины, и взявъ съ собою
 значительныя сокровища. Съ
 шѣхъ поръ разрушенный до осно-
 ванїя городъ Лори немогъ болѣе
 возшпань изъ ничтожества.

Лорїйскїя развалины зани-
 мающъ довольно большое про-
 странство на лѣвомъ берегу Дебе-
 ды. Тутъ находишся крѣпость и
 здѣсь какъ по всему заключаешъ
 должно помѣщался городъ. Про-
 шивуположный правый берегъ
 покрышъ также развалинами,
 кошерыя засшавляющъ полагаешъ

существованіе здѣсь въ древности обширнаго предмѣстія. Преданія о значительности города Лори и о красотѣ его зданій въ царствованіе Гургена, кажутся заслуживающѣ иѣноспорое вѣроуяніе. Въ пользу оныхъ убѣдительно говорящѣ существующіе по нынѣ въ Самхетіи великолѣпные памятники, свидѣтельствующіе о правильности и смѣлости здѣшнѣа того времени и о средствахъ въ исполненіи предпріяній, пребующихъ не малыхъ издержекъ и трудовъ. Разительнымъ доказательствомъ тому можетъ служить Санаинскій монастырь, въ коемъ находится могила Царя Гургена, и который сохранился лучше прочихъ. Развалины Лори въ особенности, и всѣ древнія памятники, коими наполнена Самхетія, вообще, не заслуживающѣ, по моему мнѣнію, того пренебреженія, коему они преданы: кажется нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобъ не скрывались въ нихъ порядочныя нумизматическія сокровища.—Между оспашками Лорі есть мѣста, которыя

сами собою вызываютъ наблюдателя къ изслѣдованію. Тамъ видны носящѣ родъ ожерелья, состоящаго изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ наизвѣстныхъ наипрѣ; между сими монетами не рѣдко случается встрѣчаться весьма древнія, относящіяся къ эпохамъ самымъ отдаленнымъ, даже ко временамъ завоеваній Римлянъ въ сихъ странахъ.— Два года тому назадъ иѣкто поселился среди оспашковъ крѣпости Лори, обратилъ одно древнее зданіе въ удобное для себя жилище, привелъ съ собою иѣсколько душъ и просилъ Правительство уступитъ ему мѣсто, на коемъ находится означенныя развалины и нужное количество земли къ заведенію небольшого Русскаго поселенія. До полученія надлежащаго разрѣшенія на свою просьбу онъ жилъ въ сей пустыиѣ спокойно и уединенно, какъ благочестивый ошельникъ. Казалось грѣшно было бѣ людямъ превозикъ мирное жилище его. Но кого могутъ оспавить въ покое злые языки смертныхъ? Ихъ ядовитое жало коснулось и сего по-

чпеннаго мужа. Какъ, однакоже, его жлевешники были приспѣжены, когда узнали, что единственное сокровище, найденное при немъ, было пошчасъ имъ представлено Правительству, при достойномъ всякаго вѣрояшя просподушномъ изложеніи всѣхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ сей находкѣ!— Лорійскія крысы и мыши, кошорыя до прѣзда новаго гражданина сего оставленнаго города вели весьма скучную и однообразную жизнь, обрадовавшись его прибытіемъ дѣлали ему весьма частыя посещения и не переводились въ его домѣ. Не любя шумныхъ обществъ, онъ рѣшился ихъ выжить во чтобы не спало, и для сего нашелъ всего удобнѣе пригласить къ себѣ новаго гостя, непримиримаго ихъ врага, по еспь коша. Онъ послалъ за нимъ въ Джелалъ-оглу вѣрнаго своего служителя. Сей послѣдній донесши новаго переселенца до Лори безъ всякаго приключенія, неосторожно выпустилъ его изъ рукъ среди самыхъ развалинъ, въ одну изъ конхъ кошъ спряшался. Человѣкъ

замѣшивъ дыру, въ кошорую онъ вошелъ, сунулъ шуда вышатишь его; но вмѣсто коша онъ ощутилъ нѣчто похожее на кувшинъ. Какъ малый смѣшливый, догадавшись, что сей кувшинъ вѣрояшю не пустъ, онъ дорылся до него и нашелъ его наполненнымъ древними монетами; какъ малый бескорыстный, съ употребленными понятиями о честности, не желая себѣ присвоить чужой собственности, даже принадлежавшей давно усопшимъ покойникамъ, онъ принесъ найденный кладъ своему Господиу, кошорый поспѣшилъ представить оный Начальству.— Проектъ предложеннаго симъ почтеннымъ мужемъ поселенія не былъ утвержденъ Правительствомъ и онъ принужденъ былъ отправиться во своясы. Въ крѣпости Лори еще осталась нѣсколько принадлежавшихъ ему крестьянъ, кошорые перешли во владѣніе другаго. Тамъ живущъ также два при семействѣ Армянъ, одно изъ сихъ послѣднихъ заняло пошъ самый домъ, кошорый былъ обдѣланъ вышеупо-

милушимъ пущеникомъ. Мы въ немъ оспанавливались, и между прочими угощеніями почтенный хозяинъ поднесъ намъ прекраснѣйшіе соты изъ блага меда, копорымъ изобилуетъ Лорійская степь. Въ утесистыхъ берегахъ Дебеды или Каменки жилища находять превосходный каменный медъ.—

Послѣ чаю и крапковременнаго отдыха, мы разбрелись по крѣпости. Мѣстоположеніе дѣлаетъ ее не приступною съ двухъ сторонъ: съ одной стороны служать ей обороною крупныя берега Дебеды, копорыя вообще содѣлываютъ затруднительнымъ всякое вторженіе съ юга на правую или сѣверную сторону Лорійской степи. Съ другой стороны защищаютъ крѣпость столь же крупныя и столь же высокія берега небольшого пропота вливающагося въ Дебеду. Сей пропотъ служить доказательствомъ до какой степени плещетъ воды роешь землю на Лорійской равнинѣ. Не болѣе какъ за пятнадцать верстъ до своего впаденія въ Каменку, онъ шечетъ на равнѣ

съ поверхностью грунта.—Остальные части Лорійской крѣпости защищены высокими столпосложенными съ дикаго камня стѣнами, такъ хорошо по сіе время сохранившимися, что даже въ настоящемъ ихъ положеніи могутъ служить порядочно обороною. Со стороны пропота крѣпость имѣетъ крытый ходъ къ рѣкѣ, защищаемый на половинѣ утеса башнею.—Между строениями нѣсколько уцѣлѣвшими внутри крѣпости, болѣе другихъ сохранилась небольшая церковь правильной Греческой Архитектуры, сложенная съ песаннаго камня, съ небольшими сводами поддерживаемыми колонами Ионическаго ордена, построенная въ одинаковомъ вкусѣ съ храмами Санаинскимъ и Ахпапскимъ. У береговъ Дебеды я замѣтилъ подземные ходы, но копорыя не простирались далеко, ибо были завалены. Мнѣ сказывали, что въ утесахъ составляющихъ сіи берега находится нѣсколько пещеръ, копорыя въ прежнія времена при нападеніи враговъ служили убижищемъ для жителей. Въ одной,

какъ говорилъ, можешь помѣс-
шися до тридцати лошадей.—
Успалось, наступившая шем-
ная ночь и приближавшаяся гро-
за, понудили насъ ъхать обраш-
но. Я отложилъ намѣреніе по-
смотреть сѣи пещеры, до другаго
удобнаго времени.

П. Санковскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Объ Изданіи Тифлисскихъ Вѣдо-
мостей въ 1832 году.

Изданіе Тифлисскихъ Вѣдо-
мостей въ наступающемъ 1832
году продолжится на слѣдую-
щемъ основаніи.

Газету сію будущъ состав-
лять нижеозначенныя отдѣленія:

Первое. Высочайшіе При-
казы по Отдѣльному Кавказско-
му Корпусу.

Второе. Высочайшіе Ука-
зы, относящіеся до Закавказска-
го края, Области Кавказской и
Черноморіи.

Третье. Распоряженія На-
чальства и Правительственныхъ
мѣстъ по Закавказскому краю,
Области Кавказской и Черномо-
ріи.

Четвертое. Внутреннія Из-
вѣстія.

Пятое. Новости Загранич-
ныя.

Шестое. Смѣсь. Всякаго ро-
да свѣденія о торговлѣ, промы-
ленности, искусствѣхъ и новыхъ
по онымъ открытіяхъ, также
о разныхъ предметахъ заслужи-
вающихъ особое вниманіе по
своей необычности.

Седьмое. Объявленіе казен-
ныя всякаго рода.

Восьмое. Объявленія част-
ныя всякаго рода.

Тифлисскія Вѣдомости въ
печеніе наступающаго года бу-
дущъ выходить еженедѣльно по
Субботамъ, въ четвертку, и со-
держать сколько листовъ, сколько
потребуется надобности.

Спашьи Литературныя, Спаш-
писицескія и прочія, относя-
щіеся собственно до Кавказскаго
края, которыхъ обыкновенно по-
мѣщаются въ Тифлисскихъ Вѣ-
домостяхъ, будущъ выходить
особымъ отдѣленіемъ подъ за-
главіемъ: Тифлисскія Вѣдомости,
Отдѣленіе Литературное.— Ли-
тературное Отдѣленіе Тифлис-

разложеннаго на земаѣ. При входѣ моемъ, онѣ не вспавая съ мѣста проговорилъ пѣже самыя привѣщившій, котораго я слышалъ отъ его сына и попросилъ меня садиться на особомъ коврѣ.—Подали чай вскипяченный съ корицею, гвоздикою, медомъ, и кардамономъ;—гопомъ послѣдовалъ ужинъ, состоявшій изъ жареной баранины, кислаго молока, сыра и буламы (*).—Пока продолжался ужинъ, жены Келамъ-Аги и его сыновей выглядывали безпрестанно изъ другой половины палатки; мужа эпо видѣли, но не хотѣли мѣшать женскому любопытству. Послѣ ужина, Келамъ-Ага удалился въ свой покой, меня уложили въ эпой же палаткѣ, возлѣ огня; кругомъ вмѣсто сѣражи расположились спать нѣсколько Курдовъ.

Ночь была довольно прохладна и сыра,—я вспалъ ранѣе обыкновеннаго и увидѣлъ, что сыновья Келамъ-Аги сидѣли уже около огня, возлѣ моей постѣли.—Я принялся за свой шуалетъ,—а между

(*) Овечье молоко, которое даютъ шош-часъ, когда овца окочившася.

пѣмъ женщины по прежнему выглядывали изъ за полы шатра. Одна изъ нихъ была красавица, только, что огромная серьга, продѣтая у нея въ одной ноздрѣ, много безобразила ея полное, бѣлое личико.—Спаршая жена Келамъ-Аги, чрезъ своего служителя вспунила со мною въ переговоры и безпрестанно просила показать ей разные бездѣлки бывшія у меня: зеркало, головную щетку, зубной порошокъ и проч.—Объ эпомъ послѣднемъ она спросила у меня, можешь ли онѣ изцѣлять зубную боль, и когда я сказалъ, что можешь, то она выпросила у меня нѣсколько.—Я подарилъ ей еще нѣкоторыя бездѣлки, изъ которыхъ опѣмѣно ей понравился бисерный кошелекъ съ бронзовымъ замкомъ,—за эпо она опдарила меня шерстяными носками вязанными ея дочерью,—14-ши лѣтнюю красавицею.—Переговоры наши прекратились, при входѣ Келамъ-Аги, но жемциним не оставляли и при немъ своего мѣста.—Келамъ-Ага сего-

скихъ Вѣдомостей будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ въ 1-му и 15-му числамъ, особымъ прибавленіемъ, въ шестрадахъ шочно пакихъ и шакого содержания, какъ шѣ, кошорыя нымъ сошавляются изъ шрехъ нумеровъ.

Цѣна за Тифлисскія Вѣдомости съ Литераатурнымъ ошдѣленіемъ назначается: за годовое Изданіе 8^{рублей} серебромъ по сю шпорону Кавказа и 40^{рублей} ассигнаціями по шу шпорону; за полугодовое 5^{р.} сер. и 25^{р.} ассигнаціями.

Многіе, какъ предполагашь должно, въ особенншши въ Россіи, пожелаюшъ имѣшь одно шолько Литераатурное Ошдѣленіе Тифлисскихъ Вѣдомостей; пошему допускаешся на оное особая подписка, и за годовое изданіе сего ошдѣленія вноштся по сю шпорону Кавказа 5^{р.} серебромъ, а по шу шпорону 25^{р.} ассигнаціями.

Особы подписавшіеся въ нашошщемъ 1831 году на Тифлисскія Вѣдомости и не получившія шполна обшцанныхъ имъ нуме-

ровъ, будушъ въ наштупаюшщемъ 1832 году получашь Литераатурное Ошдѣленіе Тифлисскихъ Вѣдомостей безденежно. Если же пожелаюшъ имѣшь полное изданіе Тифлисскихъ Вѣдомостей 1832 года, шо благоволяшъ дошавяшъ: живущіе по сю шпорону Кавказа 3^{р.} серебромъ, а по шу шпорону сего хребша 15^{р.} ассигнаціями.

Съ шребованіями своими особы желающія получишь сіе Періодическое Изданіе благоволяшъ обращашь въ Комишешъ Изданія Тифлисскихъ Вѣдомостей. Иногородные надшсываа кувершны въ сей Комишешъ, могушъ бышь увѣрены, что оныя Грузинскою Обласшною Почшвою Каншорою будушъ переданы съ шчшностью по своему адресу.

Казенныя обшвляенія для нашечашанія въ Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ принимаюшся безденежно; чашшныя же люди, желающіе припечашашъ что либо въ сей газетѣ, плашашъ по $\frac{1}{4}$ копѣйки серебромъ за бунву—

Тифлисс 10 Декабря.

6-го Декабря, въ день тезоименитства Государя Императора, по утру, Генерал-шесть, Г. Гражданскій Губернаторъ, Военные и Гражданскіе чиновники находящіеся въ Тифлисс, почетные Граждане, Азіатцы изъ разныхъ областей прибывшіе и Аманаты различныхъ горскихъ племенъ собрались съ поздравленіемъ у Его Высокопревосходительства Господина Главноуправляющаго въ Грузіи, Генерала Отъ Инфантеріи, Генералъ - Адъютанта Барона Григорія Владиміровича Розена. Пономъ былъ разводъ, во время коего площадь усьяна была множесивомъ народа. Послѣ развода всѣ оправились къ Сіонскому Кафедральному Собору для выслушанія Божественной литургіи, которую совершалъ Высокопреосвященный Іона, Митрополитъ Карпатинскій и Кахетинскій, Экзархъ Грузіи. По окончаніи молебствія воспѣто при громѣ пушекъ, многія лѣша Ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынь Императрицѣ, Государю Наслѣднику и всему Августѣйшему дому. Сей день общій радости для Россіи оживленъ былъ первымъ баломъ даннымъ въ Тифлисс въ нынѣшнюю зиму — Прїездъ супруги Нашего Главноуправляющаго Баронесы Елисаветы Ампріевны Розенъ, способствовала намѣренію Его Высокопревосходительства придать празднеству тезоименитства обожаемаго Монарха какъ можно болѣе блеску и живости. — Вечеромъ исчезавшій дневный свѣтъ замѣненъ былъ въ городѣ яркими лучами искус-

веннаго освѣщенія. — Иллюминація въ Тифлисс представляеть прїятное разнообразіе. Къ увеличенію эффекта производимаго оною чрезвычайно способствуютъ горы окружающія городъ. Съ одной стороны площадками освѣщаются развалины древнихъ крѣпостныхъ башенъ и стѣнъ, увеличивющія довольно значительное возвышеніе; съ другой стороны, за Курюю, горящъ симметрическими огнями великолѣпныя казармы, построенныя на Авлабарскомъ возвышеніи при Генералѣ Ермоловѣ. Въ 9-мъ часу при свѣтѣ иллюминаціи засуетились экипажи по шѣснымъ улицамъ Тифлисса и снали съѣзжались къ дому Главноуправляющаго, въ просторныхъ залахъ коего вскорѣ собралось до четырехъ сотъ особъ. На семь балъ неразлучно присутствовали великолѣпіе, веселость и утонченное приличіе, не всегда шествующіе рука въ руку при подобныхъ празднествахъ. Разнообразіе Костюмовъ Европейскихъ съ Азіатскими, смѣшанное съ пестрою дамскихъ нарядовъ, коими, безъ лести сказать, здѣсь умѣютъ пользоваться со вкусомъ, представляло прїятнѣйшее зрѣлище. — Но что для насъ было совершенно ново, это угощеніе сдѣланное почтеннымъ Азіатцамъ, находившимся на балѣ. Обыкновенно при праздничныхъ трапезахъ ихъ помѣщали за общимъ столомъ, гдѣ они нерѣдко, посаженные между сосѣдями, съ коими не могли изъясняться и будучи въ необходимости употребивши безъ привычки наши приборы и ешведывашъ лѣшвы совершенно не по ихъ вкусу.

во весь споль находились въ томъ не-
 пріятномъ положеніи, которое произво-
 дишь чувствованіе своей неловкости.
 При наступающемъ балѣ хозяйинъ озабои-
 лся о томъ, чтобы былъ для нихъ ужинъ
 совершенно въ Азіатскомъ вкусѣ, кото-
 рый накрытъ былъ на разосланныхъ
 коврахъ въ особой комнаѣ, гдѣ они сое-
 единены были всѣ вмѣстѣ. Поощренныя
 ласковымъ съ ними обращеніемъ хозяйина,
 они пресвыщались безъ всякой застенчи-
 вости по своему обычаю; съ восхищені-
 емъ пили за здравіе Его Император-
 скаго Величества, повторяли не-
 однократно Главноуправляющему о вѣр-
 ности и преданности своей Государю
 Императору и о готовности своей на
 службу противъ враговъ Россіи.— Оду-
 шевленные звуками родной музы-
 ки, они скоро вовлеклись въ веселую
 непринужденность. Лезгинны Чарцы по-
 казали искусство въ пляскѣ и всѣ вооб-
 ще предались съ примѣрнымъ приличі-
 емъ удовольствію веселиться въ своемъ
 кругу, и благодарили хозяйина за угоще-
 ніе по ихъ обычаю, всякій разъ какъ онъ
 входилъ въ ихъ бесѣду.— Балъ кончился
 въ 3 часа по полуночи.—

— 8-е Ноября, ознаменовано было зна-
 нѣшняго года за Кавказомъ важнымъ собы-
 тіемъ. Въ сей день въ присутствіи Ечмιάд-

зпискаго (и собравшагося съ разныхъ мѣстъ
 Армянскаго духовенства, чинившаго въ воен-
 наго и Гражданскаго вѣдомства и спек-
 шихся во множествѣ со всѣхъ сторонъ За-
 кавказскаго края почетныхъ и разнаго зва-
 нія Армянъ совершенно въ первопресто-
 номъ Ечмιάдзпнскомъ монастырѣ помазаніе
 новоизбраннаго Патріарха и Каѳоликоса
 всѣхъ Армянъ Іоанеса, Высочайше ут-
 вержденнаго Государемъ Императоромъ
 въ санъ высокаго санъ. Торжество сего
 дня оживлялось воспоминаніемъ, что въ
 сей самый день двадцать одинъ годъ тому
 назадъ, посвященъ былъ въ высокій санъ
 Главы Армянской церкви всѣми уважаемый
 старецъ Патріархъ Ефремъ, по прекло-
 ности лѣтъ и слабости здоровья испро-
 сившій Высочайшее соизволеніе на по-
 священіе, еще при жизни своего пріемника.

Опечатки. Въ помѣщенномъ въ
 послѣднихъ нумерахъ Тифлисскаго Вѣдомо-
 стей Спихошвореніи: Рускій въ Даріалѣ,
 по винѣ Типографскихъ работниковъ, въ
 нѣкоторыхъ экземплярахъ, послѣ корре-
 ктуры, вкрались многія ошибки. Испра-
 вляемъ важнѣйшія: На стр. 239, 2-й ко-
 лоннѣ, стихъ 20-й, вмѣсто *Ревѣтѣ* надле-
 житъ читать *Ревѣтѣ*; послѣ 30-го стиха
 пропущенъ цѣлый стихъ: *И гдѣ все, что*
унесено; на стр. 240, 2-й колоннѣ, стихъ
 15-й, вмѣсто *руки сядуешь* *рукѣ*.—

Печаташе позволаещя: Тифлисъ, 11-го Декабря 1831 года.

дня не шавъ былъ суровъ, какъ вчера, ибо подарки, сдѣланные мною его женѣ, кажутся имѣли свое дѣйствіе; онъ сжалъ имѣшь ко мнѣ болѣе довѣренности и сдѣлался говорливѣе.

Келамб-Ага, при правленіи Сардаря имѣлъ большую силу, ибо дочь его естъ одна изъ супругъ бывшаго Ериванскаго Сардаря Гуссеинъ-Хана.— Онъ съ своими Курщинами въ послѣднюю Персидскую войну сражался противъ Россіи, взявъ былъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Тифлисъ; но по завѣщаніи Табриза, отпущенъ. По заключеніи Туркманчайскаго мира онъ удался было въ Персію, но вскорѣ опять возвратился въ Ериванскую провинцію.

Во время правленія Сардаря въ Ериванской провинціи кочевало 2621 семейство Курдовъ, племени Зиланскаго 2 ш. и Джелалинскаго 621.—Они управлялись своими старѣйшинами, изъ коихъ сильнѣйшимъ и богачѣйшимъ былъ Гуссеинъ-Ага, имѣвшій подѣ своимъ качальствомъ

до 1000 семействъ. Нынѣ большая часть ихъ удалась въ Турцію. Сардаръ съ сихъ двухъ племенъ получалъ слѣдующіе доходы. Съ Зиланскихъ 2000 овецъ и 500 башмановъ — шилли масла (*).— Сверхъ того все племя обязано было давать ему ежегодно приборъ для 50 верблюдовъ, и въ случаѣ нужды 1000 вьючныхъ быковъ подѣ свозъ разныхъ тяжестей и 1000 человекъ конницы. Племя Джелали, какъ не столь многочисленное и слѣдовательно не столь опасное, какъ племя Зиланское, платило Сардарю: деньгами — махшы, т. е. опредѣленной подаши по числу домовъ 4445 р. 26 коп. серебромъ; съ 54 стада овецъ, (изъ коихъ въ каждомъ полагается до 1000 штукъ) по 22 р. серебромъ, всего 1188 р. сереб.; — масла коровьяго 54 бараньихъ бурдюка, сыру 141 бурдюкъ и 25 шерстяныхъ мѣшковъ.— Независимо отъ подаши Сардарю Курды обязаны были платить своимъ старѣйшинамъ съ каждой сошны овецъ

(*). Башманъ-шилли.

по 1-му руб. серебромъ, по 1-ой овцѣ съ ягненкомъ, по 1-му бурдюку масла и по 1-му бурдюку сыра;—сверхъ того отдавать ему $\frac{1}{10}$ часть добычи, прибрѣщенной на войнѣ или грабежемъ или даже воровствомъ. Въ случаѣ преступленія, сгарѣйшина племени могъ у виновнаго отнимать въ свою пользу все его имущество.—

Курдовъ нынѣ въ Ериванской провинціи находится весьма небольшое число, а именно: Зиланскихъ племени Бируки 220, племени Радики 80, Джалали 100, а всего 400 семействъ. Зимой они живутъ въ разныхъ селеніяхъ, лежащихъ по берегамъ Аракса; въ началѣ Апрѣля выходятъ на кочевье, и живутъ въ шатрахъ близъ Аракса;— въ майѣ уходятъ Радики и Джалали въ горы, проходящія по границѣ Персидской и Турецкой, а Бируки въ Алагѣзскія; въ Сентябрѣ снова возвращаются на равнины и живутъ въ палаткахъ до наступленія морозовъ.— Курды хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются, скотоводство составляетъ ихъ главнѣйшій промыселъ.

Овцы доставляютъ имъ и пищу и одежду.

Шатры въ которыхъ живутъ Курды, обыкновенно дѣлаются изъ черной шерстяной матеріи: чѣмъ хозяинъ богаче и знатнѣе, тѣмъ у него обширнѣе шатеръ. Одежда Куршинъ обыкновенная Турецкая;— языкъ ихъ имѣетъ большое сходство съ Фарсійскимъ. Грабежъ и воровство суть любимыя занятія Курдовъ. Всякое хищеніе, сдѣланное не у своего единоплеменника, не почитается безчестнымъ между Курдами. Зиланскіе и Джалалинскіе Курды всѣ безъ исключенія Магомешане, держащіеся Суннитскаго шолка.— Они всѣ храбры, искусны въ верховой ѣздѣ и снѣльбѣ, любящъ войну, какъ средство поживиться грабежемъ. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ пистолетовъ, сабли и копья, коего древко сдѣлано изъ длиннаго полсшаго шпротника; сіи копья привязанныя за длинный шелковый шмурокъ, они искусно бросаютъ въ непріятелей.

Ремесль мущины ни какихъ
не знающъ; женщины дѣлающъ
ковры, лошадиныя попоны, гру-
быя сукна и проч.—Ремесло Кур-
щина война, воровство и грабежъ.

5-го Марта 1829 года

Кочевье Курдовъ, на
правомъ берегу Аракса.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Русскій въ Даргаль. (*)

Лежишь протяжною грядою
До облаковъ громада,
Межъ просвѣщеніемъ и тьмой
Гранитная ограда.
Сезовъ сей хребетъ проложенъ путь.
Въ немъ тесно, душно, мрачно;
Скалы нависли, давятъ грудь;
Все дико, чуждо, страшно,
И кровожадный горца взоръ,
И грозный видъ, и новый,
Невнятный, чуждый разговоръ,
Обычай, нравъ суровый,
Жилища странныя средь скалъ.—
И шумъ въ уединенъ
Лежишь урочище Даргаль.

(*) Урочище Даргаль есть мѣсто самое
мрачное во всемъ Кавказскомъ ущельи, по
косму прелегающъ Военно-Грузинская до-

Въ могильномъ углубленъ
Межъ двухъ береговъ наброшенъ мостъ.
Подъ нимъ рѣка клубится
А тамъ одинъ лишь Русскій постъ
Въ ущельи мрачномъ зрится.
Ужасно Терекъ шумъ реветъ
И въперъ вѣчно свищеть.
Тутъ пшичка даже не порхнешъ.
И въ грусти щетно ищеть
Печальный воинъ посповой,
Для взора утѣшенья:
Щитаешь срокъ урочный свой
Онъ срокомъ започенья.
Какъ будто въ ямъ онъ зарышь;
Зарышь живой глубоко,
И съ чувствомъ горести глядишь
Въ отверстіе высоко.
Такъ видишь небо онъ безъ шумъ,
И чисто, и прозрачно,
А благодатный солнца лучъ

рога. Тутъ можно сказать находящяся врата
Кавказа. Сидѣющающа въ семь мѣсѣхъ
ущеліе и высокія перпендикулярныя скалы
образуютъ родъ ямы, въ кошерую почви
никогда не проникающъ лучи солнца. Тутъ
зрится Терекъ и въ углубленіи видѣюща
Русскій постъ. Наброшенный между двухъ
береговъ мостъ и старый полуразрушав-
шійся замокъ, съ пошанимъ, какъ увѣря-
ютъ, ходомъ, прорышымъ до самой рѣки,
придаютъ совокупности картинѣ какой-
то романтической видъ. Въ семь мѣсѣхъ душ-
неволью предающа умныю, раждающа
самыя мрачныя и величественныя

Онъ идетъ къ себѣ напрасно.
 Напрасно идетъ, и ясный день
 Сихъ мѣсть не озаряетъ:
 Здѣсь вѣкал уныла стѣнь
 Свѣтъ дневный замѣлалъ.—
 Тутъ мѣсто шажкихъ думъ
 И позднихъ сожалѣній.
 И тусклый свѣтъ, и мѣрный шумъ,
 И бурное волненіе
 Быстро спремляющейся рѣки
 Уныло вызывающъ.
 Невидимо шуманъ тоски
 На душу налегаетъ.—
 Въ семь мѣсть мрачности я самъ,
 Изгнацикъ добровольный,
 [Предавшись горесннцымъ мечнамъ,
 Воспоминаній полный,
 [Всю шагоснѣ грусни испывалъ.
 Въ безумномъ испунаеннѣ
 Я съ дерзновеннѣмъ испоргалъ
 Отвѣтъ у Провидѣннѣ.
 Кавказа грозныя скалы
 Висѣли надъ главою,
 А шумны Терекъ валы
 Капнались подъ ногою. . . .
 День смеркнулъ.—Пронастѣ облегалъ
 Густыя ночи тѣни.—
 Какъ надшій духъ, изъ подъ земли
 Къ Творцу ропталъ я и зни. . . .
 Вдругъ, будто спрашннѣй Волнѣй глѣвъ,

Надъ грнщною главою
 Пронесся вихря сильный рннѣ,
 Дрожъ хладною струею,
 Какъ гибкій лдовитый змѣй,
 По членамъ проскользнула,—
 И въ трепетной душѣ моей
 Мысль крошкая смѣнила
 Цорывы горесннѣ слѣпой.—
 Величнѣмъ умиласннѣй
 Карпннѣ развышыхъ предомкой,
 Изрѣкъ я вдохновеннѣй:—
 „ Какъ буйный Терекъ съ горъ валннѣ
 Спремляцнлся воды,
 Рѣка временѣ шагъ быстро мщннѣ
 Мелькающнѣ годы.
 О сколько капель протекло
 Въ короткое то времѣ,
 Какъ я ропцу, склонннѣвъ чело,
 Но шагко наше бремѣ!
 О сколько протекло вѣковъ
 Въ ничтожное мгновеннѣ,
 Какъ надъ мнръядами мнровъ
 Всемочное призраннѣ,
 Предвѣчно сунцнѣй Воже мой,
 Чудесно обращаешь,
 И беззаботннѣй промыслѣ свой
 Невидимо явласннѣ!
 Не можетъ взоръ снхъ водѣ догнапѣ:
 За валомъ валъ капнтелъ,
 И что дерзненнѣ преноной снапѣ
 Надетъ и вслѣдѣ спремнтелъ.

Пошокъ времяъ равно шечетъ:
 За вѣкомъ вѣкъ вращаетъ
 И за собою вслѣдъ влечетъ
 Чшо въ ярости встрѣчаетъ.—
 Сплю лѣтъ огромный дубъ спояишь
 Надъ быспрою рѣкою
 И равнодушный, онъ глядишь,
 Вышвистою главою
 Возвышенъ гордо къ небесамъ,
 Какъ слабый листь валишь
 И по синѣющимъ волнамъ
 Къ пучинѣ алчной мчится.
 Бежишь волна, настанешь срокъ,
 И гордый исчезаетъ:
 Съ береговъ подыавшийся пошокъ
 Съ корией его срываетъ.
 Вѣками сильная спояишь
 Неколебимая держава.
 Предъ ней вселенная дрожишь.
 Могущество и слава,
 И громъ воинскихъ грозныхъ дѣлъ
 Громаду воздвигаютъ.
 Ей мнитса небеса предѣлъ,
 Едва ее вмѣщаютъ
 Концы поверхности земной.
 Текутъ за родомъ роды
 И увлекаются судьбой
 И царства и народы.
 Она спояишь.—И мнитса рокъ
 Вредишь ей не дерзаетъ,

Но хлынешъ времени пошокъ
 И сильную смываетъ
 Съ лица земли.—...Струя бѣжишь
 Пучину достигаетъ.
 Пучина алчная кицишь
 И жадно поглощаетъ
 Все чшо въ шеченіи своемъ
 Волна влечетъ съ собою.
 Равно гниютъ на днѣ морскомъ:
 Взлелѣнныхъ судьбою
 Обломки вѣковыхъ дубовъ,
 Пылилки непримѣльны
 И жершвы спрашныя вѣковъ
 Развалины песчанны.
 И гдѣ все, чшо унесено
 Пошока быспрошою,
 Чшо искони поглащено
 Пучиною морскою?
 Не шакъ ли и рѣка времяъ
 Ревешъ сильною струею
 И Царства и толпы племенъ,—
 И все чшо мчитъ съ собою
 Въ пучину вѣчности валишь?
 Пошомомъ увлеченный
 Нашъ родъ къ ничтожеству бѣжишь,
 И бездной поглащены
 Герой и властелины земной,
 Какъ челядь исчезающъ,
 Которая лишь пылъ собой
 Народовъ умножаетъ.

Попока быстротою;
 Что искони поглощено
 Пучиной въскобою?
 Гдѣ все что создалъ, Боже смѣль?
 Что мочною рукою
 Ты самъ, Создатель, истребилъ?
 На что, скажи, Тобою
 Мы брошены въ сей свѣтъ
 Суешь и ожиданья?
 Не для шоголь, чшобъ умереть,
 Чшобы узнать страданья,
 И своего конца не знашь? . . .
 Но жертва истребленья
 Тебя дерзнулъ я вопрошать,
 Источникъ сотворенья . . . .
 Могуль я смертный провинцашъ
 Творца опредѣленья?
 Могуль достойно имъ воздашь
 Изъ бранныхъ устъ хваленье?
 Но не хвалу я привишу,
 Безумьемъ увлеченный.
 Не гласъ смиренья возношу,
 А ропоть дерзновенный. . . .
 Стремись рѣка! Напоминай
 Мнѣ времени спремленье!
 Волнуйся море! Предешавляй
 Мнѣ бездны той волненье,
 Едѣ поколѣнія вѣнцашъ.

Какъ капли въ океанѣ!
 Проникни, умственный мой взглядъ,
 Въ ту даль, гдѣ, какъ въ туманѣ,
 Какой-то зрится намъ утѣль . . .
 Для насъ непостижимый!
 Объемли мысль Господнихъ дѣлъ
 Черты необозримы!
 Душа къ величю Творца
 Пылалъ благоговеньемъ!
 Но Ты не отвращай лица
 Опъ Своего шворенья!
 Не постигая тайнъ Твоихъ
 Тебя благословляю,
 И прахъ, какъ дѣло руки святыхъ,
 Въ восторгѣ любизаю. —

П. Санковскій.—

II.

Отрывокъ изъ пѣвца въ станѣ
 Донскихъ воиновъ Отдѣльнаго
 Кавказскаго Корпуса.
 (Подражаніе Жуковскому).

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, нашъ Боярдъ,
 Сергѣевъ знаменитый!
 Ни что тебѣ свинцовый градъ,
 И бой какъ пиръ ошкерыный!

негодны къ употребленію, на-
 прошивъ они спольже вкусны какъ
 и малорослые шампиніоны. — Въ
 сверхъестественныхъ чудесахъ
 я желалъ удостовѣриться соб-
 ственнымъ зрѣніемъ и осязані-
 емъ. Для этого надо было отпра-
 виться съ вечера и рѣшиться но-
 чевать на открытомъ воздухѣ,
 ибо главное чудо должно было
 совершиться ночью: говорили,
 что въ полночь ровно, свѣча
 стоящая на олшарѣ зажигается
 сама собою, нарочито нисходя-
 щимъ съ неба огнемъ. После
 обѣда пошелъ сильный пролив-
 ный дождь, который омывалъ у
 меня всю охоту видѣть чудеса,
 и дабы не подвергнуться опаснос-
 ти вынести даромъ всѣ неприя-
 тности ночной непогоды, я об-
 рашился съ убѣдительною прось-
 бою къ почтеннымъ Желазъ-ог-
 лнскимъ старожиламъ, обв-
 явивъ мнѣ чистосердечно не
 буду ли я обманутъ въ своихъ
 чаяніяхъ; на что получилъ от-
 вѣтъ, что дѣйствительно въ
 прежнія времена дѣлались чуде-
 са въ Варшавурѣ, но что уже

нѣсколько лѣтъ не происходилъ
 болѣе въ семъ мѣстѣ ничего
 сверхъестественнаго. Сей-
 кровенный отзывъ заставилъ
 меня оплошиться мое путешест-
 віе, до предположенной на слѣ-
 дующее утро поѣздки, въ кото-
 рой должно было участвовашь
 многочисленное общество.

На другой день утро было пре-
 красно, небо безоблачно, но весь
 горизонтъ былъ подернутъ какъ
 бы легкимъ флеромъ, за коимъ
 солнце кашилось лишенное обы-
 кновеннаго своего блеска, будпо
 закаленное ядро. Я узналъ въ по-
 слѣдствіи, что явленіе сие, кото-
 рое продолжалось здѣсь около
 шрехъ недѣль, видимо было почти
 въ тоже время и въ нѣкоторыхъ
 мѣстахъ Южной Россіи.

Общество наше отправилось
 къ Варшавуру въ коляскѣ, вер-
 хомъ и въ сопровожденіи конной
 шолпы Азіашцевъ. Мы ѣхали до-
 вольно весело. Поѣздка оживлялась
 безпрестанною скачкою нашихъ
 провожатыхъ. Азіашцы молодцы
 набѣдничать въ полѣ прошивъ